

Я бывал в компании Гу Вэньчжэна несколько раз, и во взгляде его помощника благоговейный трепет сменился на привычное равнодушие.

Молодой ассистент на вид казался совсем юным, и моим первым впечатлением о нём было то, что он, как и Гу Вэньчжэн, обладал лицом без тени эмоций и выглядел совершенно неприступным.

Но в лифте я переосмыслил это мнение: стоило Гу Вэньчжэну всего лишь поправить мне воротник, как на лице паренька промелькнуло такое сочетание шока и благоговения, что я не забуду его до сих пор.

Уж не знаю, что именно Гу Вэньчжэн ему наговорил, но теперь, заходя в кабинет с документами, он каждый раз держался предельно осторожно и боялся даже мельком взглянуть на диван, на котором я сидел.

Ничего не поделаешь — кто виноват, что Гу Вэньчжэн — омега, притворяющийся альфой? Разве можно удержат власть президента компании, если не сохранять ледяное выражение лица и железную уверенность?

Вспоминая описание из первоисточника, я думал о том, что и главный герой-актив, и главный герой-пассив прошли через многое.

Как и в других классических ранних романах о горькой любви, у главного героя-пассива был отец-алкоголик и игрок, который после вторичного пола омеги попытался продать его в игорный дом в счёт долгов.

Главный герой-пассив стерпел это в последний раз, подал на отца в суд, а затем, скрываясь от преследователей, сменил личность, притворившись альфой, поступил в университет Ф и вернул свою жизнь в нормальное русло.

У главного героя-актива была совершенно другая сюжетная линия: он родился в богатой семье, его биологическая мать умерла рано, любовницы отца заняли её место, а родственники вели беспощадную борьбу за наследство. Он же жестокими и безжалостными методами устранил все препятствия на своем пути и в конце концов стал главой семьи.

Например, прямо сейчас.

Даже сквозь его привычное холодное выражение лица я улавливал малейшие проблески хорошего настроения в уголках его глаз и губ.

Вот ведь досада.

Эх, кто устоит перед таким? Разве можно не захотеть вернуть ему улыбку?

Детство обоих было одинаково несчастливym, так что неудивительно, что позже они смогли спасти друг друга.

К тому же я терпеть не мог романы о спасении и уж тем второстепенно не собирался никого спасать.

Если бы всю энергию, которую я тратил на симпатию к второстепенному злодею-альфе, я направил на карьеру, то в будущем не скатился бы до всеобщего преткновения и банкротства

компании.

Не прошло и месяца с начала наших отношений, как он раскормил меня на целый килограмм, и у меня есть веские подозрения на его злой умысел.

Каждый раз, когда я пытался отказаться от угощений, стоило мне встретиться взглядом с этими прекрасными глазами, как я немедленно сдавался.

Гу Вэньчжэн был невероятно привязчив, словно страдал какой-то разновидностью кожной нехватки, и при любой возможности норовил прижаться ко мне.

И тем не менее этот холодный и ослепительный красавец после каждого кормления расслаблял лицо, и его черты смягчались.

Если бы Гу Вэньчжэна нужно было описать с помощью животного, я бы сравнил его с крупным представителем кошачьих — загадочным, опасным, ленивым и завораживающим.

Утром в пятницу у меня не было пар, и по идее я должен был с комфортом сидеть в общежитии и рисовать, но вместо этого был вынужден тащиться с планшетом в офис Гу Вэньчжэна и составлять ему компанию во время работы.

На беду, закончив дела, этот человек усаживался рядом и наблюдал, как я дорабатываю рисунок, то и дело пихая мне в рот какую-нибудь сладость.

Из-за своего беспощадного характера, при котором он не признавал даже собственных родственников, в кулуарах главного героя-актива прозвали бешеной собакой — он готов был вцепиться в каждого. Однако открыто бросать вызов этой грозной силе города Ф никто не смел, и при встрече с ним все трепетали в почтении.

При таких деньгах и влиянии — какого альфу не сыскать в мире новелл?

Хотя я так думал, я всё же послушно съел пудинг, который Гу Вэньчжэн поднёс к моим губам.

Иногда мне очень хотелось сказать Гу Вэньчжэну, что одержимость любовью до добра не доведёт и не лучше ли заняться карьерой.

Стоит помнить, что сколь бы холодным и свирепым ни казался крупный кот снаружи, его шерсть и подушечки лап остаются мягкими — тем более что Гу Вэньчжэн страдал именно этой самой любовной горячкой.

У Гу Вэньчжэна была яркая внешность классического типа: холодный и пронзительный разрез глаз наделял его властным темпераментом, из-за чего люди часто упускали из виду его потрясающие черты лица.

Не знаю, какая у него была странная привычка, но ему безумно нравилось смотреть, как я ем, — казалось, от этого у него улучшалось настроение.

Впрочем, ко мне, второстепенному злодею-альфе, это не имело никакого отношения: в конце концов, моя задача сводилась лишь к тому, чтобы отыграть сюжет, и прошлое главных героев меня совершенно не волновало.

Я окончательно смирился с тем фактом, что падок на красивую внешность. Живи я в

древности, непременно стал бы тем самым правителем, что зажигал сигнальные огни ради забавы наложницы.

Поэтому на все попытки отказаться от еды я мог ответить лишь одним: как-нибудь в другой раз.

По пути с Гу Вэньчжэном через торговый район мы снова столкнулись с тем самым ледяным красавцем Цзян Шуци — то есть с главным героем-активом.

Заметив нас, он сначала широко раскрыл глаза, но стоило его взгляду упасть на наши с Гу Вэньчжэном переплетённые пальцы, как его тёмные глаза потемнели, и если бы на его макушке росли уши, они бы несомненно повисли.

При виде этого я автоматически попытался высвободить руку из хватки Гу Вэньчжэна.

Не получилось.

Заметив это, Гу Вэньчжэн сжал мою руку ещё крепче.

Бросив взгляд исподлобья, я заметил, как тонкие губы Гу Вэньчжэна слегка сжались, а во взгляде промелькнул холодок, и смирился.

Погодите-ка, вообще-то вон тот парень — твой истинный главный герой-актив, разве нет? И ты таскаешь перед ним второстепенного злодея-альфу, держась за руки. Я искренне переживаю за твоё будущее, ведь мы находимся на веб-платформе, где в любой момент могут начаться сцены ревности, мести и припоминания старых обид.

Если говорить серьезно, то при всей внешней суровости, почему характер главного героя-актива казался мне каким-то неправильным? Внешне он выглядел даже менее неприступным, чем сидевший рядом со мной мужчина. Или это потому, что сюжетное время для официального выхода главного героя-актива ещё не настало?

В оригинале об этом не говорилось, но я предполагал, что Цзян Шуци уже испытывает симпатию к Гу Вэньчжэну, иначе с чего бы ему делать такое лицо?

Цзян Шуци, куда подевалось твоё собственническое чувство главного героя-актива? Почему ты до сих пор не бросился вперёд, чтобы отбить своего возлюбленного? При таком раскладе неудивительно, что у вас нарисовался лишний второстепенный бывший муж-злодей.

Я чувствовал себя абсолютной злобной свекровью, разрушающей чужое счастье, в то время как Гу Вэньчжэн и Цзян Шуци были теми самыми разлучёнными любовниками. Как же трудно быть образцовым второстепенным злодеем-альфой на этой платформе.

Переведя взгляд с Цзян Шуци на ничего не подозревающего Гу Вэньчжэна, я мысленно тяжело вздохнул.

Разве это не классическое поле боя?

Жаль только, что всю эту картину понимал лишь я один, знавший сюжет первоисточника. Как же одинока жизнь читера.

Если бы это была игра-стратегия, то стоило мне выбрать правильную реплику, как уровень

благосклонности Гу Вэньчжэна неминуемо пополз бы вверх.

Качественный скачок в наших с Гу Вэньчжэном отношениях произошёл в тот день, когда я подарил ему цветы.

У нас с Гу Вэньчжэном график был противоположным: ему нужно было на работу, мне — на учебу, к тому же по выходным я порой корпел над заказами по рисованию, так что свободного времени на свидания катастрофически не хватало.

Поэтому, несмотря на то, что мы встречались уже больше двух месяцев, мы по-прежнему редко виделись, и наши окна свободного времени почти не пересекались.

Возможно, именно поэтому Гу Вэньчжэн, который в оригинале так спешил завести ребёнка, сейчас даже намёка не делал на свадьбу.

Поразмыслив, я решил, что дело не пойдёт, и обратился к советам из сетевых руководств по свиданиям: уместные сюрпризы помогают укреплять отношения.

Богачу вроде Гу Вэньчжэна не нужно было материальное, так что требовалось подарить что-то искреннее.

Перечитав оригинал, я обнаружил, что главный герой-пассив дарил главному герою-активу белые эустомы. Я предположил, что Гу Вэньчжэн тоже любит белые эустомы, иначе с чего бы дарить столь редкие цветы?

Месяц экзаменов выдался слишком хлопотным, и времени видаться у нас не было. Прикинув сроки, я решил отправлять ему по букету в день, чтобы к выходным как раз всё завершилось.

Что такого в том, чтобы использовать чит в виде сцены сближения главного героя-пассива и главного героя-актива? Грех не воспользоваться готовым подспорьем.

В выходные я не стал заказывать доставку, а лично принёс букет белых эустом в компанию Гу Вэньчжэна.

Поездка определённо стоила того: Гу Вэньчжэн оказался из тех, кто падок на подобные знаки внимания.

Не зря эта стратегия пользовалась популярностью во всей сети — пожалуй, не сыскалось бы омеги, равнодушного к цветам.

Когда он улыбнулся мне, прижимая к груди белые эустомы, я признаю, что меня очаровали.

Мне даже послышался звуковой эффект уменьшения НР: -1-1-1-1...

Какая досада, зачем Гу Вэньчжэну озарять меня, второстепенного злодея-альфу, такой ослепительной улыбкой?

Я не удержался и посмотрел ещё раз. Должен признать, неудивительно, что Гу Вэньчжэн стал главным героем-пассивом: перед лицом такого холодного снаружи, но горячего внутри красавца устоять просто невозможно.

Гу Вэньчжэн даже специально купил вазу и поставил её на свой рабочий стол.

Я уставился на этот антикварный сосуд неизвестно какой династии и погрузился в молчание.

Прошу прощения, кажется, мои цветы были недостойны такой вазы.

Я предупредил себя: Фан Иань, не поддавайся очарованию красоты, сюжет романа неотвратим, ты всего лишь второстепенный злодей-альфа. Зачем оставаться здесь в этой роли и отказываться от сытой и обеспеченной жизни в реальном мире? Вспомни своих благоверных на всю стену.

Глядя на то, как Гу Вэньчжэн с сосредоточенным видом по одному вставляет цветы в вазу, я на мгновение прикрыл глаза.

Простите меня, мои двухмерные жёны, я прельстился внешностью Гу Вэньчжэна всего на секунду.

Всего на одну секунду.

Ну максимум на две, ни секундой больше!

Сюжетная линия с Гу Вэньчжэном развивалась гладко, да и университетская жизнь протекала легко и приятно.

Разумеется, в моё определение «приятного» совершенно не входили пары по высшей математике.

Тот самый лисьеглазый и любящий зрелища тип, с которым мы столкнулись в ресторане, оказался старшим сокурсником Гу Вэньчжэна и по совместительству моим преподавателем высшей математики.

Возможно, из-за нашей мимолётной встречи на лекциях он уделял мне особое внимание и регулярно вызывал к доске разбирать задачи.

Верно говорят: люди с суженными в улыбке глазами — чистой воды негодяи!

Это лишь усилило мою и без того сильную неприязнь к математике.

До перемещения я учился на гуманитарном отделении по специальности «художественное искусство» исключительно потому, что хотел навсегда забыть о точных науках.

Кто бы мог подумать, что после перемещения в другой мир от высшей математики всё равно никуда не деться.

Глядя на эти жуткие, уродливые формулы математического анализа, я испытывал к ним лютую ненависть.

Я искренне надеялся, что математика исчезнет с лица земли.

Рабочие заметки генерального директора Гу — отрывок 2

Фан Иань мастерски умеет привлекать поклонников: ладно бы те омеги из университета, но с чего вдруг им очаровываться Цзян Шуци, которого он видел всего раз?

Попытаться увести у меня партнёра? Исключено.

<http://bllate.org/book/21019/2136693>